

34973

1540

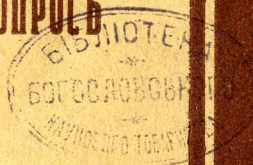
ХРИСТИАНСТВО ЕГО ИЗМЪ И СОВРЕМЕННОСТЬ

№ 5.

4162

Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ

ХРИСТИАНСТВО И СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

YMCA PRESS-PARIS
DOBRO-WARSZAWA

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1910

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

10 31013
ХРИСТИАНСТВО, АТЕИЗМЪ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

№ 5.

Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ

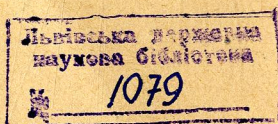
1549
Х Р И С Т И А Н С Т В О
И
СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

YMCA PRESS, PARIS
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОБРО“
ВЯРШАВА, 1929.

934-11

Всѣ права сохранены
Copyright by YMCA Press, Paris.

Printed in Poland
Zakł. Graf. E. i D-ra K. Koziańskich w Warszawie.

1. Что такое эксплуатация?

Есть одно слово, которое сразу выражаетъ сущность социальнаго вопроса. Это слово — **эксплуатация**. Эксплуатация есть центральное понятіе, которое встрѣчается на каждой страницѣ у Маркса и у всѣхъ социалистовъ. Оно безконечно повторяется въ рѣчахъ, въ газетахъ, въ агитационныхъ плакатахъ; во имя эксплуатации, во имя ея уничтоженія отрицается капитализмъ. На этой идеѣ построена вся система совѣтскаго воспитанія. Крупская, напр., пишетъ: «Дѣтвора должна знать, что ея будущая цѣль — уничтоженіе рабства во всемъ мірѣ». **Во имя чего** — уничтоженіе рабства? Во имя свободной личности? Во имя цѣнности свободы? Во имя абсолютной цѣнности индивидуальности? абсолютной цѣнности человѣческой души?

Такой отвѣтъ невозможенъ съ точки зрѣнія материалистической, съ точки зрѣнія «пролетарскаго социализма». Въ этой религіи, въ этомъ міросозерцаніи свобода не имѣетъ мѣста, ибо личность есть всецѣло продуктъ среды, выраженіе интересовъ класса и всѣ ея желанія и стремленія причинно обусловлены. Слово «свобода» не имѣетъ смысла въ этомъ міросозерцаніи, а, слѣ-

довательно, и слово «рабство» теряет всякій смысл. Абсолютная цѣнность индивидуальности, цѣнность человѣческой души не можетъ здѣсь признаваться потому, что никакой индивидуальности и не существуетъ, существуетъ лишь представитель класса, выражающій его интересы, выражающій хозяйственные отношенія. Человѣческая душа не есть цѣнность, ибо она вовсе и не существуетъ.

Во имя чего же можетъ такое міросозерцаніе протестовать противъ эксплуатаціи? Съ точки зрѣнія безрелигіозной и натуралистической эксплуатація есть природная необходимость. Различіе слабыхъ и сильныхъ есть природная необходимость. Спрашивается: зачѣмъ поддерживать слабыхъ, во имя чего? И затѣмъ: какъ можно помыслить, что мы можемъ измѣнить природную необходимость, измѣнить желѣзный законъ причинности, который вызываетъ борьбу за существованіе и приводитъ къ побѣдѣ сильныхъ? Чтобы осуждать эксплуатацію, нужно признавать абсолютную цѣнность личности и свободы. А такая идея существуетъ только въ христіанствѣ. Въ до-христіанскомъ мірѣ, въ мірѣ языческомъ, ея вовсе не существовало. Постоянно разсуждая объ эксплуатаціи, социалисты и марксисты нигдѣ и никогда не опредѣлили точно, **что такое эксплуатація**, а если бы опредѣлили, то разрушили бы этимъ все свое міросозерцаніе и весь свой социализмъ. Философское опредѣленіе эксплуатаціи дано въ формулѣ Канта: обращайся съ человекомъ такъ, чтобы онъ никогда не былъ для тебя **только средствомъ**, но всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и **цѣлью**. Принципъ личности, какъ самоцѣли, какъ абсолютной цѣнности — есть существенно христіанскій принципъ. Его нарушеніе есть эксплуатація.

Чтобы говорить объ эксплуатаціи нужно имѣть идею справедливости, цѣнности личности, любви и свободы — а этихъ идей безрелигіозный социализмъ не имѣетъ, а потому разсуждать объ эксплуатаціи не имѣетъ права; боль-

ше того, онъ абсолютно не можетъ понять, что такое вообще есть эксплуатація. Можно прекрасно построить матеріалистическое обоснованіе буржуазной эксплуатаціи.

Безрелигіозный матеріалистъ долженъ разсуждать такъ: буржуазія — это тѣ, которые побѣдили въ борьбѣ за существованіе, которые захватили, создали, изобрѣли орудія производства, это лучшіе, сильнѣйшіе, умнѣйшіе представители расы — имъ естественно должны подчиняться худшіе, глупѣйшіе и слабѣйшіе. Такъ наз. «кулаки» — суть просто лучшіе крестьяне — сильные, трудоспособные, умные; худшіе всегда и вездѣ будутъ покорены лучшими и сильнѣйшими: объ этомъ свидѣтельствуеетъ весь животный міръ, изъ котораго развился человѣкъ и продолженіемъ котораго онъ является.

Кто и какъ можетъ возразить противъ этого? Только тотъ, кто скажетъ, что человѣкъ не есть животное, не есть только тѣло, матерія, что онъ есть «душа», личность, святыня, что онъ есть «ближній» и «братъ», котораго надо любить; иначе говоря, возразить противъ природной необходимости эксплуатаціи въ мірѣ можетъ только христіанинъ.

2. Соціальный вопросъ впервые ставится въ Библии.

Существуетъ мнѣніе, что религія содѣйствуетъ эксплуатаціи, что христіанство и церковь поддерживаютъ сильныхъ, власть имущихъ, что христіанство непременно обосновываетъ капитализмъ. Такова точка зрѣнія антирелигіозной пропаганды пролетарскаго социализма.

Достаточно вспомнить всѣмъ извѣстное изреченіе: «Трудно богатому войти въ Царство Божіе; легче верблюду пройти сквозь игольные уши....» — чтобы радикально въ этомъ усумниться. Мало утѣшительныя для капиталистовъ слова!

Въ дѣйствительности социальный вопросъ былъ впервые поставленъ въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завета. И это потому такъ, что только религія впервые ставитъ вопросъ **о добрѣ и злѣ**, о справедливости и несправедливости. Ветхій Заветъ ставитъ социальный вопросъ очень сурово, въ духѣ безпощадной борьбы съ угнетателями, въ духѣ отмщенія и низложенія. «За то, что притѣсняете бѣднаго — отнимутся у васъ дома и виноградники» (Ам. 5, 11). Здѣсь даже есть идея «экспропріаціи экспропріаторовъ». («Оберутъ грабителей своихъ»). (Иезек. 39, 10. 18). Утверждается также особая цѣнность, избранность, близость къ Богу нищихъ и угнетенныхъ (Господь — покровитель бѣднаго). (Пс. 14, 6). Имъ принадлежитъ будущее; благовѣствованіе обращено къ нимъ, имъ даются мессіанскія обѣтованія. Царство Мессіи въ Ветхомъ Заветѣ — есть царство справедливости, и вотъ въ этомъ царствѣ идеальный царь спасетъ и будетъ миловать нищаго и бѣднаго, и низложитъ притѣснителя (См. напр. Пс. 72, 4. 12. 13; тема этого псалма — осуществленіе справедливости). Наивные «безбожники» черпаютъ изъ Маркса всѣ тѣ моральныя идеи, которыя они могли бы почерпнуть изъ Библии и изъ религіи пророковъ. Только антисемитизмъ Маркса, его отреченіе отъ религіи отцовъ и отъ всякой религіи мѣшали ему признать истинный источникъ его моральныхъ обличеній. Но мораль въ атеизмѣ и матеріализмѣ сейчасъ же искажается, справедливость теряется и переходитъ въ свою противоположность, торжествуетъ зависть и ненависть. Этого нѣтъ въ религіи пророковъ. Тамъ глубокое чувство справедливости, пониманіе того, что значитъ «судъ и правда». Одного примѣра достаточно, чтобы иллюстрировать это глубокое различіе. Ветхій Заветъ, какъ сказано, защищаетъ нищихъ и угнетенныхъ, сосредотачиваетъ на нихъ особое вниманіе, считаетъ ихъ даже какъ бы избраннымъ народомъ, и вотъ по отношенію къ нимъ онъ прежде всего требуетъ справедливости: «не извращай суда нищему

твоему» (Исх. 23). Такое сужденіе не удивительно, но вотъ, что удивительно: въ той же главѣ мы находимъ сужденіе, подходящее къ этому вопросу съ противоположной стороны: «И нищему не благопріятствуй въ тяжбѣ его!»

Какъ это не похоже на пролетарскій судъ и пролетарскую справедливость, дающую своимъ судьямъ инструкцію всегда рѣшать тяжбы въ пользу пролетарія, въ пользу «бѣдности»! Никогда Ветхій Заветъ не скажетъ, что пролетаріатъ всегда правъ и во всемъ правъ: справедливость стоитъ выше классового интереса. Онъ не скажетъ даже, что народъ, масса, большинство — всегда правы: «Не слѣдуй **за большинствомъ** на зло» (ив.). Большинство тоже можетъ идти наперекоръ справедливости, такъ-же, какъ властвующие и сильные, какъ богачи и бѣдняки. Вотъ гдѣ видна высота и чистота ветхозавѣтной религіозной идеи: въ правдѣ и справедливости ея ясное преимущество передъ идеями пролетарскаго социализма. Въ безрелигіозномъ міросозерцаніи она сейчасъ же вырождается и превращается въ «классовый интересъ», который начинаетъ оправдывать «массовый терроръ», иначе говоря, массовыя злодѣянія.

Въ христіанствѣ всѣ ветхозавѣтныя требованія справедливости по отношенію къ бѣднымъ и угнетеннымъ, конечно, сохраняются, они лишь углубляются идеей братства, любви, богосыновства. «Блаженны нищіе» — говорится въ Евангеліи отъ Луки. Совѣтъ раздать имущество нищимъ, не собирать сокровищъ на землѣ, или, наконецъ, слова: «Берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человека не зависитъ отъ изобилія его имѣнія» (Лук. 12. 15.) — все это едва ли можетъ служить обоснованіемъ капитализма и оправданіемъ буржуазнаго строя. Скорѣе мы встрѣчаемъ здѣсь такое радикальное отрипаніе духа буржуазности и основныхъ психологическихъ пружинъ капитализма, которое вызываютъ страхъ и изумленіе: не ищите, что вамъ ѣсть, или что пить, и во что одѣться, и не без-

покойтесь... Взгляните на птицъ небесныхъ... Посмотрите на полевая лиліи... (Матѣ. 6, 19 и т. д. Лук. 12, 15-34). Капитализмъ и буржуазность есть прежде всего абсолютное поклоненіе вещамъ, **вещепоклонство**, т. е. идолопоклонство своего рода (почему Христосъ и говоритъ: всего этого ищутъ язычники, люди міра сего), это по выраженію Карлейля — **маммонизмъ**, признаніе сытости и обеспеченности и богатства, какъ высшей и абсолютной цѣнности. Буржуазность есть особая установка души, существовавшая во всѣ времена и при всѣхъ формахъ экономической жизни и несомнѣнно господствующая сейчасъ. Христосъ изображаетъ ее въ своей небольшой притчѣ такъ: «Скажу душѣ моей: душа, много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись».

Это куда болѣе радикальное отрицаніе капиталистическаго и буржуазнаго духа, чѣмъ то, какое мы встрѣчаемъ въ пролетарскомъ социализмѣ и марксизмѣ. Тамъ духъ капитализма совсѣмъ не преодолѣнъ, напротивъ — онъ всецѣло сохраненъ, только распространенъ на всю коммуну: вся коммуна становится единственнымъ самодержавнымъ капиталистомъ — отсюда то-же самое поклоненіе вещамъ, тотъ же маммонизмъ, только распространенный на всѣхъ, та же единственная забота, что ѣсть и что пить, то-же мѣщанство духа и буржуазность, только «мелкое мѣщанство» и «мелкая буржуазность». Какъ же вырвать людей изъ духа буржуазности и капитализма, какъ рѣшить вопросъ социальной жизни, вопросъ производства и распредѣленія? Христосъ даетъ принципъ и указываетъ единственно возможный путь:

«Ищите же прежде всего Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ».

Въ этихъ словахъ въ сущности заключено христіанское рѣшеніе социального вопроса. Но нужно умѣть раскрыть этическую идею **Царствія Божія**, нужно умѣть понять смыслъ Его **правды**, т. е. смыслъ христіанской идеи справедливости, ибо только съ точки зрѣнія идеи спра-

ведливости и любви, въ ея лучшей и высочайшей формулировкѣ, когда-либо звучавшей на землѣ, мы можемъ рѣшать социальный вопросъ.

Въ христіанствѣ социальный вопросъ ставится съ такою силой и глубиною, какъ ни въ какомъ міросозерцаніи и ни въ какой религіи, ибо бѣдность, угнетеніе, эксплуатація — противорѣчатъ любви, братству, богосыновству (напротивъ, экономическому эгоизму, классовому интересу, борьбѣ за существованіе — эксплуатація, какъ мы видѣли, вовсе не противорѣчитъ).

Какъ первохристіанская апостольская община поняла и осуществила завѣтъ своего Учителя въ области социального вопроса, въ проблемѣ богатства и бѣдности? Какимъ путемъ пошла она въ исканіи Царства Божія и правды? «Дѣянія» повѣствуютъ намъ, что она пошла скорѣе путемъ коммунизма, чѣмъ путемъ, напоминающимъ капитализмъ:

«Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее». «У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее». «Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду». (Дѣян. 2, 44-46; 4, 32-35).

Какъ будто бы здѣсь было достигнуто то, что Платонъ хотѣлъ осуществить въ своемъ коммунистическомъ государствѣ: «Между друзьями все общее» — говорилъ онъ; замѣчательно, что такой коммунизмъ былъ осуществленъ на землѣ **только** въ первой христіанской общинѣ и въ лучшихъ христіанскихъ монастыряхъ, ей подражавшихъ. Во вѣ-христіанскомъ мірѣ онъ почти никогда не удавался (вспомнимъ неудачу Платона и Плотина) и это потому, что христіанскій коммунизмъ построенъ на свободномъ подвигѣ, добровольной отдачѣ, на нестяжа-

ніи, на отреченіи отъ вещепоклонства. Такой коммунизмъ любви (Liebeskommunismus) можетъ жить только любовью, жертвой, самоотреченіемъ, онъ требуетъ высочайшаго напряженія духа, котораго въ концѣ концовъ не могла выдержать даже перво-христіанская община (сокрытіе имущества Ананіемъ и Сапфиною). Отъ всякой соціалистической коммуны такая коммуна отличается тѣмъ, что она покоится на прямо-противоположныхъ мотивахъ: **раздать** имущество нищимъ и **отнять** имущество у богатыхъ — это два дѣйствія и два настроенія морально противоположныхъ. Никогда христіанство не санкціонируетъ зависти бѣдности, никогда, конечно, не проповѣдуетъ грабежъ, никогда не становится на точку зрѣнія «экспропріаціи экспропріаторовъ». Коммунизмъ любви осуществляется только посредствомъ подвига свободныхъ индивидуальностей — онъ противоположенъ всякому принужденію, всякой диктатурѣ, всякому насильственному перевороту, который неизбѣжно утверждается проповѣдью пролетарскаго соціализма.

3. Соціальный вопросъ у Отцовъ Церкви.

Великіе христіанскіе мыслители и философы во все времена прекрасно сознавали значеніе соціального вопроса, проблемы богатства и бѣдности. «Безбожники» и матеріалисты - коммунисты наивно пишутъ на своихъ плакатахъ: «Кто не работаетъ, да не ѣстъ», конечно, не подозревая, что это изреченіе принадлежитъ первому и величайшему христіанскому философу ап. Павлу. Отцы церкви, жившіе въ эпоху заката античнаго міра, въ эпоху паденія римской цивилизаціи, видѣли предъ собою картину, во многомъ напоминающую современное капиталистическое общество: та же жажда богатства и наслажденія, та же потеря различія между нравственными и безнравственными средствами обогащенія, та же невѣроятная роскошь и концентрація громаднхъ имуществъ, нако-

нецъ, та же эксплуатація производительнаго труда рабочаго при томъ полномъ отсутствіи уваженія къ труду, которое характерно для античнаго міра.

И вотъ при встрѣчѣ съ такимъ обществомъ и съ такою цивилизаціей всѣ великіе отцы церкви увѣренно становятся на защиту труда, на защиту эксплуатируемыхъ и ищутъ радикальнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса; они всегда настроены анти-капиталистически, хотя и не коммунистически въ современномъ смыслѣ этого слова.

Уже въ «Ученіи 12 апостоловъ» и въ «Апостольскихъ правилахъ» мы находимъ такія слова: имѣй все общее съ братомъ твоимъ и не называй ничего своимъ, ибо если вы въ непреходящемъ участвуете сообща, то тѣмъ болѣе въ вещахъ преходящихъ.

У такихъ отцовъ церкви, какъ Климентъ Александрійскій, Лактанцій, Василиій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій и Августинъ мы находимъ слѣдующія основныя идеи:

1. Крайнее имущественное неравенство и эксплуатація труда — есть позоръ для христіанъ *).
2. Частная собственность на землю и капиталъ не есть ничто священное, неприкосновенное, какъ то утверждало римское право; напротивъ, въ принципѣ всѣ блага принадлежать всѣмъ христіанамъ **сообща** и лишь пользованіе ими и управленіе можетъ быть такъ или иначе распредѣляемо *).

*) Позорно для христіанъ и недопустимо, чтобы одинъ жилъ въ избыткѣ, когда многіе нуждаются, говоритъ Климентъ Александрійскій. Горсть людей, говоритъ Лактанцій, присваиваетъ себѣ матеріальныя богатства міра, служившія прежде многимъ, накапливаетъ ихъ въ своихъ амбарахъ, заставляя другихъ голодать и такимъ образомъ порабощая ихъ себѣ. (Зейпель. Хозяйственно-этические взгляды Отцовъ Церкви. 84 ff.).

*) «Богъ предназначилъ нашъ родъ для общности... Все — общее и богатые не должны стремиться имѣть больше... Ибо Богъ далъ намъ право пользованія, но въ предѣлахъ необходимаго и опре-

3. Всѣ они отрицають взиманіе какихъ-либо процентовъ на капиталъ, какъ величайшее преступленіе, и этимъ самымъ въ сущности отрицають и подрываютъ самый корень капитализма **).

Отцы Церкви считаютъ первохристіанскій коммунизмъ идеальнымъ рѣшеніемъ соціальной проблемы, однако, такое рѣшеніе не можетъ быть распространено на все общество, на все государство: оно пригодно лишь для немногихъ избранныхъ, способныхъ осуществить коммунизмъ любви черезъ свободное отреченіе отъ любостяжанія. Отсюда признаніе монастырей въ качествѣ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которые свободно пошли по пути первохристіанской общины.

Однако всегда присутствуетъ въ этихъ ученіяхъ то существенное, что ихъ отличаетъ отъ современнаго коммунизма: ни одинъ отецъ церкви никогда не призывалъ пролетаріевъ къ насильственному отнятію имуществъ, къ насильственному перевороту и къ властвованію надъ богатыми. Принудительный коммунизмъ, распространен-

дѣлать, чтобы пользованіе было общее». (Климентъ Александрійскій). Неравенство пошло съ дѣлежа земли, говоритъ Лактанцій, и цитируетъ слова Вергилія: «сообща надо было обрабатывать землю». Богъ далъ людямъ землю для того, чтобы они жили на ней сообща, и не для того, чтобы алчность немногихъ отдѣльныхъ лицъ захватила себѣ все. Василиій Великій приводитъ такое сравненіе: нѣкто, «заявъ въ театрѣ мѣсто, не пускаетъ приходящихъ послѣ, считаетъ своимъ то, что предназначено для общаго пользованія всѣхъ. Такъ и богатые: захватывая общее добро, они дѣлаютъ его своей собственностью путемъ захвата». «Богатый есть какъ-бы управляющій надъ благами, которыя должны быть розданы бѣднымъ»... (Іоаннъ Златоустъ). Амвросій считаетъ, что Богъ далъ намъ землю въ совместное владѣніе: «природа создала общее право, захватъ — частное». Августинъ считалъ частную собственность причиной споровъ, вражды, войны, возстанія, несправедливости, убійства. (ів. Зейпель. 85-114) .

**) Ростовщикъ, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, хуже вора и разбойника, т. к. дѣйствуетъ болѣе тиранически. Можно привести безконечное количество цитатъ на эту тему. (ів. 171-194).

ный на всѣхъ, — отрицается; утверждается лишь коммунизмъ **свободной жертвы и свободного подвига**, какъ и въ первой христіанской общинѣ — **коммунизмъ любви**. Въ этомъ смыслѣ Лактанцій полемизируетъ съ коммунизмомъ Платона: такой принудительный коммунизмъ несправедливъ, ибо «никому не должно наносить ущерба, если онъ, благодаря своему трудолюбію, имѣетъ больше, ни доставлять выгоду, если онъ по своей винѣ имѣетъ меньше». Послѣднія слова напоминаютъ знаменитое возраженіе Прудона, сказавшаго, что коммунизмъ замѣнилъ бы буржуазную конкуренцію «соревнованіемъ бездѣльниковъ». Іоаннъ Златоустъ въ своихъ знаменитыхъ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ Антиохіи и въ Константинополѣ и касающихся разрѣшенія соціальнаго вопроса, тоже обращается преимущественно къ имущимъ и указываетъ имъ на **свободную отдачу** собственности на общую пользу, какъ это имѣло мѣсто въ іерусалимской христіанской общинѣ. Ни о какомъ насильственномъ переворотѣ здѣсь, конечно, нѣтъ рѣчи; въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ: «Пусть никто не беспокоится: ни богатый, ни бѣдный».

Всѣ эти изысканія показываютъ, что христіанство скорѣе можетъ являться обоснованіемъ коммунизма, чѣмъ капитализма. Ницше истолковалъ христіанство, какъ религію бѣдности, религію пролетаріата, религію угнетенныхъ классовъ и на этомъ основаніи отрицалъ христіанство. Станнымъ образомъ одни отрицаютъ христіанство, какъ религію сильныхъ, и властвующихъ, и имущихъ, — другіе, какъ религію подвластныхъ, угнетенныхъ и неимущихъ. Оба эти сужденія взаимно изобличаютъ ихъ неправду, оба взаимно уничтожаются: христіанство не есть ни религія пролетаріата, ни религія капиталистовъ и вотъ по какой причинѣ: христіанство не оцѣниваетъ людей по принадлежности къ тому или другому классу — оно оцѣниваетъ ихъ по наличности любви и по способности къ жертвѣ; въ интересующемъ насъ со-

ціальномъ вопросѣ оно оцѣниваетъ людей по присутствію въ ихъ сердцѣ **любостяжанія**, или, напротивъ, готовности пожертвовать своимъ имуществомъ («Раздать нищимъ»).

Защитники «христіанскаго соціализма» могутъ, однако, напомнить, что христіанство отдаетъ рѣшительныя преимущества классу бѣдныхъ, оно полно вниманія къ нимъ и утѣшительныхъ обѣтованій, оно признаетъ богатыхъ какъ бы негативной цѣнностью, отрицательной величиной: имъ трудно, почти невозможно войти въ Царствіе Божіе. Бѣдные какъ будто бы представляютъ собою классъ, на которомъ лежитъ благословеніе Божіе и признаніе ихъ праведности. а на богатыхъ—проклятiе и признаніе неправедности. Въ этомъ какъ будто бы сходство христіанской и соціалистической точки зрѣнія.

Однако, кажущееся сходство съ пролетарской точки зрѣнія сейчасъ же превращается въ противоположность: христіанство считаетъ, что бѣдные находятся въ привилегированномъ положеніи въ отношеніи къ достиженію Царства Божія, въ отношеніи къ идеалу правды, а богатые — въ неблагопріятномъ положеніи. Напротивъ, соціализмъ считаетъ, что «привилегированными» являются, конечно, богатые, а бѣдные — во всѣхъ отношеніяхъ въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Для соціализма бѣдность есть всегда проклятiе, хотя бѣднякъ всегда избранное существо и всегда правъ; для христіанства бѣдность вовсе не есть проклятiе, она можетъ быть на противъ — подвигомъ и заслугой; но бѣднякъ, съ другой стороны, вовсе не избранное существо и не всегда правъ. Для соціализма богатство есть самое выгодное положеніе въ обществѣ и богатый достоинъ всяческой зависти, хотя, съ другой стороны, богатый всегда неправъ и на немъ тяготѣетъ проклятiе осужденія. Для христіанства, напротивъ, богатство есть положеніе трудное и неудобное («Трудно богатому войти въ Царствіе Божіе»). но это не значитъ, что богатый всегда неправъ и что онъ осуждается за самое свое богатство. Онъ осуждается не

за собственность, а за свое отношеніе къ ней, осуждается за любостяжаніе, а не за наличность вещей, за особую установку души, за особое отношеніе къ ближнему, за особое измѣненіе духа.

И вотъ что замѣчательно: **та же** установка души и **то же** отношеніе къ ближнему, за которое богатый осуждается — можетъ быть налицо и у бѣднаго; и онъ можетъ горѣть жаждою любостяжанія, жаждой присвоенія, отнятія, ограбленія, завистью къ ближнему. И тогда онъ никакими преимуществами духовными предъ богатымъ не обладаетъ. Тогда онъ даже можетъ стоять ниже богатаго въ духовномъ смыслѣ. Современный пролетаріатъ именно въ такомъ состояніи и пребываетъ: онъ охваченъ нехристіанскимъ аффектомъ классовой борьбы, классоваго интереса и классовой ненависти.

Тотъ фактъ, что бѣдный все же остается бѣднымъ, что любостяжаніе, присвоеніе и отнятіе есть для него только умыселъ и «вождедѣніе», только мечта, а на дѣйствительность — ничего не мѣняетъ съ христіанской точки зрѣнія (по слову Христа: «Всякъ, иже воззрѣтъ на жену съ вождедѣніемъ»...) Всякое вождедѣніе и умыселъ есть уже актъ въ духовномъ мірѣ. Такой бѣднякъ уже духовно не бѣднякъ (не «нищій духомъ»), а богачъ, завистникъ и эксплуататоръ. Христіанство измѣряетъ духовное состояніе богатства и бѣдности не количествомъ имущества, не юридическимъ положеніемъ, а количествомъ любостяжанія, количествомъ буржуазности («много добра у тебя, душа, на долгіе годы...») количествомъ вещепоклонства, способомъ отношенія къ низшимъ, подчиненнымъ, матеріальнымъ цѣнностямъ (истинное отношеніе къ которымъ опредѣляется словами: «не заботьтесь, что вамъ ѣсть и что вамъ пить»... «ищите Царствія Божія и все прочее приложится вамъ»).

«Лепта вдовы» совершенно такъ же можетъ быть объектомъ царственной щедрости, какъ и объектомъ скупости.

сти и любостяжанія, и такой нищій, дрожащій надъ своей лептой, не есть тотъ «нищій духомъ», которому обѣщано блаженство *). Напротивъ, онъ есть, если угодно, богачъ духомъ, которому трудно войти въ Царствіе Божіе. То, о чемъ христіанство прежде всего говоритъ въ проблемѣ богатства и бѣдности — это духовная установка въ отношеніи къ вещамъ, къ имуществу, къ своему праву собственности: существуетъ установка, препятству-

*) Василий Великій различаетъ бѣдныхъ въ хорошемъ смыслѣ слова, тѣхъ, о которыхъ Евангеліе говоритъ «Блаженны нищіе духомъ» и бѣдныхъ, которые хотя и лишены средствъ, но должны быть причислены къ алчнымъ и жаднымъ, такъ какъ хотѣли бы имѣть больше и больше: «Ибо многіе бѣдны по своему имуществу, но чрезвычайно алчны по своимъ стремленіямъ».

Точно такъ же и Григорій Нисскій различаетъ двоякаго рода бѣдность: одну отвергаемую, а другую прославляемую: «Кто добровольно бѣденъ всѣми злыми помышленіями и не сохраняетъ въ сокровищницѣ своей ничего изъ дьявольскихъ сокровищъ и такимъ образомъ обогащается бѣдностью отъ зла, тотъ будетъ причисленъ Словомъ къ той блаженной бѣдности, плодъ которой есть Царствіе Небесное».

Святой Іеронимъ также утверждаетъ, что мѣриломъ оцѣнки человѣка является не внѣшній фактъ бѣдности и богатства, а нѣчто другое, живущее въ самомъ сердцѣ человѣка: «Богатому не вредитъ богатство, если онъ хорошо пользуется имъ, а бѣднаго бѣдность не дѣлаетъ достойнымъ похвалы, если онъ въ рубищѣ и нищетѣ не избѣгаетъ грѣха».

Святой Амвросій говоритъ: «Не всѣ бѣдные блаженны, ибо бѣдность сама по себѣ безразлична; бѣдные могутъ быть хорошими и дурными».

Іоаннъ Златоустъ точно такъ же опредѣляетъ моральное достоинство богатаго и бѣднаго исключительно особой духовной установки того и другого: «Ничто не приноситъ столько раздоровъ, какъ сребролюбіе, ничто не дѣлаетъ въ такой степени бѣднымъ, какъ если оно появляется въ бѣдности. Ибо и въ душахъ бѣдныхъ возникаетъ эта тяжкая болѣзнь и усиливаетъ ихъ бѣдность... Ибо богатство и бѣдность оцѣниваются не по количеству достатка, но по образу мыслей... Не тотъ бѣденъ, кто ничего не имѣетъ, а кто вождѣлѣетъ многаго; не тотъ богатъ, кто много имѣетъ, а кто ни въ чемъ не нуждается... Желанія дѣлаютъ человѣка богатымъ и бѣднымъ, а не обиліе или недостатокъ денегъ». (ів. Зейпель. 59-63).

ющая вхожденію въ Царствіе Божіе, препятствующая осуществленію братства, соборности, любви. Эта установка есть нѣкоторое извращеніе порядка цѣнности, ошибка въ «логику сердца» (logique du coeur. Паскаль).

Христіанство признаетъ, что матеріальныя блага и вещи — «хлѣбъ нашъ насущный» — суть цѣнности, (ибо мы ими можемъ творить добро, выражать любовь, поддерживать жизнь), но только цѣнности подчиненныя, а не высшія («не хлѣбомъ единымъ будетъ живъ человѣкъ...»). Духъ долженъ быть устремленъ къ исканію **высшихъ цѣнностей**: справедливости, соборности, любви; только тогда низшія цѣнности имѣютъ смыслъ, какъ средство, и только тогда (и это удивительно!) онѣ достигаются. Это очень ясно выражено въ словахъ: «Ищите Царствія Божія и правды Его и все прочее приложится вамъ». Чудо насыщенія пяти тысячъ пятью хлѣбами есть символическое выраженіе того, что проблема насыщенія и распредѣленія — неразрѣшима при условіи такой духовной установки, когда всѣ силы духа устремлены на одно только насыщеніе и раздѣленіе, при полномъ забвеніи того, что «не хлѣбомъ единымъ будетъ живъ человѣкъ», при забвеніи того, что нужно искать высшей цѣнности Царствія Божія.

Когда христіанство говоритъ о богатствѣ и бѣдности, то оно имѣетъ въ виду прежде всего духовную установку богача и бѣдняка, духовное отношеніе къ вещамъ, къ собственности, къ ближнимъ. Не всѣ нищіе суть «нищіе духомъ», не всѣмъ нищимъ обѣщано блаженство. Быть «нишимъ духомъ», т. е. духовно свободнымъ отъ любостыжанія — трудно, но особенно трудно это для тѣхъ, кто окруженъ имуществомъ, окруженъ соблазномъ вещей, нагруженъ тяжелымъ грузомъ богатства, какъ верблюдъ, пролѣзающій сквозь узкія ворота. Съ поразительной силой выражено въ христіанствѣ это отвращеніе къ духовной буржуазности, это пониманіе безумія житейской предусмотрительности, житейской озабоченности предъ

лицомъ смерти и уничтоженія. Существуетъ, напротивъ, мудрое легкомысліе, царственное презрѣніе къ вещамъ, къ матеріальной озабоченности, то особое состояніе духа, которое Христосъ символизируетъ словами: «Воззрите на птицъ небесныхъ... Воззрите на лиліи...» Здѣсь не дано, конечно, никакой экономической и соціальной программы; люди не могутъ жить, какъ птицы небесныя, не сѣять и не собирать въ житницы; здѣсь дана особая установка духа въ отношеніи къ вещамъ и цѣнностямъ, при которой жизнь становится легкой, прекрасной, при которой душа расцвѣтаетъ, какъ цвѣтокъ, и становится способной къ полету, какъ птица. Съ этимъ состояніемъ духа можно и сѣять и собирать въ житницы, и быть бѣднымъ, не страдая отъ этого, и быть богатымъ, раздавая имущество нищимъ. Это состояніе духа во всемъ противоположно озабоченному своекорыстію. Христіанство думаетъ, что бѣдные все же болѣе способны къ такому духовному рыцарству, къ такой духовной антибуржуазности. А среди богачей такая установка духа есть величайшее исключеніе и величайшій героизмъ. Будучи богатымъ, тоже можно быть «нищимъ духомъ», но такой богачъ будетъ управлять своей собственностью на пользу ближнихъ, на пользу общины. Что такіе богачи возможны — объ этомъ свидѣтельствуетъ даже современное буржуазное общество, наиболѣе лишенное духовности.

4. Духовная установка и соціальный вопросъ.

Итакъ, для христіанства проблема богатства и бѣдности есть прежде всего духовно-нравственный вопросъ; вопросъ особой этико-религіозной направленности духа; внутренний, интимный, духовно-душевный, сердечный вопросъ, ибо «гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше». Христіанство вообще всѣ вопросы рѣшаетъ изнутри, изъ глубины сердца, изъ предѣльнаго, сокровеннаго духовнаго центра человѣка; никогда извнѣ.

Что значитъ поставить проблему богатства и бѣдности въ этой духовной глубинѣ? Что значитъ перенести ее въ предѣльную глубину сердца? Это значитъ спросить: что мы признаемъ въ глубинѣ своего сердца своимъ сокровищемъ, своею святынею? Чему мы отдаемъ свое сердце? Если — земнымъ сокровищамъ, любостыжанію, озабоченному своекорыстію, удовлетворенному самодовольству, тогда это извращеніе сердца, извращеніе іерархіи цѣнностей; и въ этомъ случаѣ мы отдаемъ свое сердце тому, что есть нѣкоторая цѣнность (ибо «хлѣбъ насущный» есть цѣнность), но очень подчиненная и совсѣмъ не высшая цѣнность, совсѣмъ не высшее сокровище (сказано «не хлѣбомъ единымъ будетъ живъ человѣкъ»). Абсолютное раствореніе души въ заботахъ о томъ, «что намъ ѣсть и что намъ пить и во что одѣться» — есть прежде всего угашеніе духа, вещепоклонство, экономическій матеріализмъ, какъ особый грѣхъ души, какъ возведеніе хозяйства на неподобающее ему первое мѣсто въ іерархіи цѣнностей. Такое вещепоклонство влечетъ за собой и дальнѣйшее болѣе тяжкое извращеніе порядка цѣнностей: вещи, деньги и «прибыль» становятся дороже живыхъ людей, дороже ближняго. Любостыжаніе и своекорыстіе угашаютъ любовь, извращаютъ любовь въ зависть и ненависть.

Съ этой точки зрѣнія христіанство подходитъ къ вопросу бѣдности и богатства, къ соціальному вопросу: для него это вопросъ установки духа въ отношеніи къ іерархіи цѣнностей — къ Богу, къ ближнему, къ міру вещей. Поскольку міръ лежитъ во злѣ, въ немъ порядокъ цѣнностей извращенъ — одно изъ такихъ извращеній есть вещепоклонство, любостыжаніе, эксплуатація, и это извращеніе ставитъ предъ нами со всею силою такъ называемый соціальный вопросъ. Самый терминъ «экономическій матеріализмъ» уже обозначаетъ духовное явленіе извращенія цѣнностей. Христіанство, прежде всего, возстановливаетъ священный порядокъ цѣнностей, боже-

ственную іерархію цѣнностей, оно учитъ о высшемъ сокровищѣ Царствія Божія: только ему можно и стоитъ отдать все свое сердце. И только черезъ это изъ глубины сердца, изнутри идущее исканіе Царствія Божія, т. е. высшаго идеала правды, любви, красоты и мудрости, новаго неба и новой земли — только этимъ путемъ, идущимъ изъ центра личности, оно осуществляется и во внѣшнемъ космосѣ (Царство Божіе внутри васъ есть»).

Духовная установка исканія Царства Божія и правды его, какъ сокровища, какъ высшей цѣнности, должна опредѣлять все наше духовное отношеніе къ матеріальнымъ благамъ, къ хлѣбу насущному, къ хозяйству, какъ средству поддержанія жизни и способу проявленія любви къ ближнему, ко всему обществу, какъ соборному единству, какъ единой Церкви. Только въ этой единой іерархіи цѣнностей ставится и рѣшается вопросъ о цѣнности богатства и бѣдности, о личности бѣдняка и богача, о цѣнности любви и соборности. Грѣхъ есть предпочтеніе низшаго высшему, напримѣръ, предпочтеніе животной радости насыщенія и наслажденія — духовному подвигу любви. Соціальный вопросъ выражаетъ трагизмъ такого извращенія цѣнностей: прибыль предпринимателя есть нѣкоторая цѣнность, но эта экономическая цѣнность безконечно ниже по сравненію съ этической, правовой и религіозной цѣностью личности рабочаго; и, однако, эта высшая цѣнность приносится въ жертву и умалается въ пользу цѣнностей низшихъ.

Нужно однако знать, что именно есть низшее и высшее въ этическомъ и религіозномъ смыслѣ, чтобы правильно оцѣнивать: всякая оцѣнка съ точки зрѣнія большаго или меньшаго совершенства есть отнесеніе къ абсолютному совершенству («будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ»). Въ силу этого христіанство правильно исходитъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ оцѣнки изъ высшаго принципа совершенства, изъ Бога, и всѣ вопросы до самыхъ низшихъ и практическихъ рѣ-

шаетъ, исходя изъ установленія высшей цѣнности Царствія Божія, содержащаго въ себѣ цѣлую іерархію божественныхъ цѣнностей, раскрытыхъ въ Евангеліи.

И первой особенностью христіанства является его требованіе внутренняго духовнаго поворота, обращенія въ направленіи къ этой высшей цѣнности, въ этомъ смыслѣ она «внутри васъ»); она не можетъ быть установлена никакимъ закономъ, декретомъ, внѣшнимъ чудомъ, какою властью — если не будетъ искомой («ищите Царствія Божія») и желанной изъ глубины сердца. Соціальный вопросъ неразрѣшимъ безъ преображенія сердца. Богатство есть особая духовная установка. Капитализмъ вытекаетъ изъ особой духовной установки. При наличности своекорыстія, жажды стяжанія, зависти и ненависти — человѣкъ не можетъ стать «соціальнымъ» существомъ, не можетъ «обобществиться», не можетъ стать соборнымъ, никогда не можетъ собраться во едино: для этого необходимо единомысліе и единодушіе.

Повидимому, здѣсь высказывается нѣчто совершенно очевидное, само собою разумѣющееся; однако это далеко не такъ: пролетарскій соціализмъ думаетъ какъ разъ наоборотъ, во всѣхъ отношеніяхъ наоборотъ: никакой духовной установки не нужно для «переворота», ибо духъ всецѣло зависитъ отъ матеріи, отъ организаціи хозяйства. Организацию хозяйства можно измѣнить революціоннымъ декретомъ, властью пролетаріата, закономъ — и тогда измѣнится вся психологія людей, изъ буржуазной она превратится въ пролетарскую. Утверждать, что соціальный вопросъ рѣшается путемъ духовнаго переворота, при наличіи любви и самоотреченія, при готовности «раздать имущество нищимъ» — значить, съ точки зрѣнія пролетарскаго соціализма, вступать на путь религіознаго лицемерія и ханжества. И все же самимъ соціалистамъ пришлось, въ концѣ концовъ, вступить на тотъ же самый, ими отрицаемый путь — и соціализмъ можетъ притти только изъ глубины духа, только изъ особой духовной

установки; даже для коммунизма нужен коммунистическій духъ, коммунистическая психологія, нужны искренніе и убѣжденные коммунисты, коммунисты «въ сердцѣ своемъ». Безъ такой установки духа, безъ коммунистическаго отреченія отъ своекорыстія — коммунизмъ вырождается въ самую мелкую и своекорыстную буржуазность. Это теперь высказывается самими социалистами. Депутатъ Рейхстага д-ръ Кохвейзеръ былъ пораженъ въ С.С.С.Р. прежде всего тѣмъ, что коммунизмъ строится людьми, пользующимися своимъ положеніемъ и властью только для того, чтобы извлечь для себя и для своихъ товарищей возможно больше выгоды. Онъ вспоминаетъ по этому поводу слова Курта Эйслера: «Какъ можемъ мы притти къ социализму, когда у насъ нѣтъ социалистовъ!» (впечатлѣнія о Россіи, «Фоссише Цейтунгъ»). Эгоистически-своекорыстный и буржуазно-присвояющій коммунистъ никогда не построитъ коммунизма. Въ этомъ смыслѣ всякій коммунистъ долженъ выдержать испытаніе на личное безкорыстіе. Для толпы избирателей, оцѣнивающихъ безкорыстіе «защитниковъ пролетаріата» всегда будетъ убѣдительнымъ испытаніе, подобное слѣдующему. Въ Парижѣ, на послѣднихъ выборахъ, боролись два кандидата: коммунистъ Бертонъ и умѣренный Лебукъ. Лебукъ расклеилъ слѣдующую афишу: гражданинъ Бертонъ, какъ извѣстно, ярый противникъ частной собственности. Гражданину Бертону предлагается явиться такого-то числа въ мэрію, гдѣ его будетъ ждать нотаріусъ. Гражданину Бертону предоставляется полная возможность раздать обездоленнымъ коммунистамъ принадлежащее ему лично имущество: замокъ въ департаментѣ Варъ, четыре виллы на Ривьерѣ, домъ въ Парижѣ и т. д. Въ назначенный день и часъ нотаріусъ былъ на мѣстѣ, явилось и много избирателей. Не пришелъ только Бертонъ. Газета, сообщающая этотъ фактъ, добавляетъ: онъ ничего не имѣетъ противъ распредѣленія богатствъ, но чужихъ.

Это есть наглядное испытание на готовность «раздать имущество нищимъ», безъ которой не можетъ быть самоотверженной защиты пролетаріата.

5. Соціальный вопросъ—не вопросъ благотворительности.

Христіанство, такимъ образомъ, остается правымъ въ своемъ утвержденіи, что соціальный вопросъ можетъ ставиться и рѣшаться только людьми, способными «раздать имущество нищимъ», т. е. только тѣми, кто свободенъ отъ личной корысти и зависти, кто ищетъ Царствія Божія въ глубинѣ своего сердца. Существуетъ, однако, неправильное и не православное искаженіе этой исходной истины христіанства. Оно коренится въ неправильномъ пониманіи словъ «Царство Божіе внутри васъ есть». Какъ будто Царство Божіе есть только особое состояніе духа, только спасеніе души, только внутреннее, безъ внѣшняго, только спасеніе «върою», а не «дѣлами», только настроенность (*Gesinnung*)? Въ такомъ ущербномъ христіанствѣ признающемъ только обращеніе ко Христу въ душѣ, и забывающемъ о мірѣ, о соціальной жизни, о соборности, о творчествѣ, о новомъ небѣ и новой землѣ — возможно то ущербное и часто лицемѣрное рѣшеніе соціальнаго вопроса, на которое чаще всего нападаютъ враги христіанства.

Утверждается, что проблема богатства и бѣдности и соціальный вопросъ — есть только вопросъ личной доброты сердца, вопросъ душевнаго безкорыстія и нелюбостыжанія, вопросъ наличія любви и готовности «раздать имущество нишимъ», вопросъ исключительно внутренней индивидуальной жизни души, — и рѣшается онъ только въ формѣ **благотворительности**. Съ христіанской точки зрѣнія нельзя отнимать, но можно жертвовать; а потому богачамъ рекомендуется милосердіе, а нищимъ смиреніе и терпѣніе. Такимъ образомъ нищелюбіе и благотворительность являются единственными формами рѣшенія соціальной проблемы.

Такое пониманіе есть вреднѣйшее искаженіе христіанской правды, соблазнительное своей полуистинностью, и соблазняющее къ принятію и прикрытію соціальной неправды. Оно не раздѣлялось ни ранней апостольской общиной, ни отцами Церкви. Тѣ и другіе признавали, что проблема богатства и бѣдности есть проблема организациі христіанской общины, проблема христіанскаго хозяйства, а не только проблема индивидуальной помощи и индивидуальной любви. При послѣдней точкѣ зрѣнія собственно и не ставится никакого соціальнаго вопроса, онъ просто снимается, объявляется несуществующимъ для Христіанской этики. Конечно, не такъ думалъ Іоаннъ Златоустъ и всѣ другіе отцы Церкви.

Перенесеніе проблемы богатства и бѣдности, и соціальнаго вопроса въ глубину духа, въ глубину сердца — вовсе не есть устраненіе проблемы права и справедливости, хозяйства и государства изъ сферы христіанской этики, изъ сферы осуществленія Царствія Божія, ибо сфера эта **всеобъемлюща**, она объемлетъ небо и землю, объемлетъ весь космосъ и всю жизнь: тѣлесную и душевную, низшую и высшую, индивидуальную и соціальную.

Вѣрно, что сѣмена Царствія сѣются въ глубину сердца, что оно въ этомъ смыслѣ прежде всего должно быть «внутри насъ», должно вырастать изнутри и никогда не можетъ придти снаружи — закономъ, декретомъ, императивомъ; но невѣрно, что сѣмена Царствія Божія всегда остаются только на днѣ души, въ глубинѣ сердца — они вырастаютъ оттуда въ міръ и своею лозою оплетаютъ и охватываютъ все многообразіе жизни. Въ этомъ состоитъ христіанское творчество, творчество христіанской жизни, иначе — оцерковленіе жизни; а призывъ къ такому творчеству заключенъ въ притчѣ о талантахъ.

6. Христіанская іерархія цѣнностей.

Вѣрно, что Божественная іерархія цѣнностей должна быть прежде всего восстановлена въ послѣдней глубинѣ

сердца (ибо «гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше»), но невѣрно, будто оно остается только тамъ, какъ будто только внутренній міръ цѣненъ. Иначе христіанская религія не была-бы религіей воплощенія, которая требуетъ, чтобы духъ былъ воплощенъ во плоти, чтобы вѣра была воплощена въ дѣлахъ, чтобы весь міръ, весь космосъ былъ преображенъ и воскрешенъ во всей красотѣ своего «тѣла духовнаго», т. е. тѣла, въ которомъ всецѣло выявленъ и воплощенъ духъ.

Церковь и соборность въ идеалѣ объемлетъ въ себѣ всѣ социальныя отношенія и разрѣшаетъ всѣ социальные вопросы; изъ этого необходимо долженъ исходить христіанинъ.

Высшей цѣнностью и высшимъ сокровищемъ для него является **Царствіе Божіе**, какъ царство любви и соборнаго единства, какъ завершеніе церковности. Но если **любовь** есть высшая цѣнность, то **справедливость** есть слѣдующая за нею въ порядкѣ іерархіи. И потому сказано: ищите Царствія Божія и **правды** его (т. е. «справедливости», *dikaïosunen, justitiam*) — значитъ правда и справедливость есть низшая подчиненная цѣнность, которая содержится и предполагается въ Царствѣ любви. Эта цѣнность преимущественно утверждалась въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ «правда Закона», какъ идея «оправданія», какъ идея права и справедливости, какъ идея справедливой воли Божіей. Поэтому, когда говорится «да будетъ воля Твоя» — то здѣсь разумѣется осуществленіе правды и справедливости божественной, ибо воля Божія не можетъ быть иною, какъ справедливой.

Но когда, вслѣдъ за этимъ, мы встрѣчаемъ слова: «хлѣбъ нашъ насущный», то здѣсь предъ нами слѣдующая іерархическая ступень цѣнностей — ступень **хозяйства и техники**. Ибо здѣсь показано, что можно добывать хлѣбъ насущный, т. е. все намъ необходимое для жизни, и что эта дѣятельность имѣетъ цѣнность предъ лицомъ Божіимъ и получаетъ освященіе Церкви.

Однако, цѣнность хозяйства и техники (добываніе хлѣба насущнаго) стоитъ ниже цѣнностей справедливости и любви. Можно пожертвовать хозяйственной и технической необходимостью ради любви и справедливости, но нельзя пожертвовать любовью и справедливостью ради хозяйственной цѣлесообразности (какъ это думаетъ, на примѣръ, марксизмъ).

Теперь ясно, что проблема богатства и бѣдности и социальный вопросъ рѣшается въ христіанствѣ въ трехъ различныхъ плоскостяхъ, или на трехъ ступеняхъ:

1. Это, прежде всего, вопросъ религіозно-этический, форма любви къ Богу и къ ближнему. Отношеніе къ вещамъ, къ благамъ, къ имуществу мѣняется всецѣло отъ основной мистической установки къ Богу и ближнему. Въ этой плоскости, на этой высотѣ «соціальность» превращается въ соборность и церковность. И всякая социальная неправда, всякое любостяжаніе есть отпаденіе отъ божественной любви въ духовную смерть.

2. Далѣе, социальный вопросъ есть вопросъ правды и справедливости, вопросъ закона и его совершенства.

Съ этой точки зрѣнія онъ преимущественно ставится въ Ветхомъ Завѣтѣ и у пророковъ. Христіанство признаетъ цѣнность закона и права и признаетъ возможность совершенствованія законовъ съ точки зрѣнія божественной справедливости. Въ этомъ смыслѣ христіанство можетъ оцѣнивать законы о собственности и ставить предъ собою проблемы справедливой организаціи владѣнія вещами. Вышеприведенныя сужденія Отцовъ Церкви движутся въ этомъ именно планѣ разсмотрѣнія социального вопроса. Они считали, что римско-правовая частная собственность противорѣчитъ естественному праву или идеѣ общественной справедливости.

3. Наконецъ, социальный вопросъ есть вопросъ совмѣстнаго, «соборнаго» добыванія хлѣба насущнаго, иначе говоря, вопросъ **соціального хозяйства**, вопросъ христіанскаго хозяйствованія. Первой христіанской общинѣ

пришлось по своему рѣшать этотъ вопросъ и вести свое особое **христiанское хозяйство** въ условiяхъ исторiи, которыя, вѣроятно, уже никогда не повторятся.

Иоаннъ Златоустъ въ своихъ проповѣдяхъ въ Константинополѣ ищетъ разрѣшенiя социальнаго вопроса въ нѣкоторомъ особомъ переустройствѣ социальнаго хозяйства, которое онъ предлагаетъ. Онъ разсматриваетъ проблему богатства и бѣдности въ плоскости «экономической», какъ сказали-бы мы теперь. Онъ требуетъ хозяйственнаго творчества, измѣненiя хозяйственной организаци — во имя любви, во имя Христова. Монастыри тоже всегда организовывали нѣкоторое особое христiанское социальное хозяйство, иногда функционировавшее очень совершенно.

Если право и хозяйство представляютъ собою цѣнности съ христiанской точки зрѣнiя, то этимъ самымъ онѣ включены въ ту великую iерархiю цѣнностей, которая объемлется высшей ступенью и высшей цѣнностью Царства Божiя. Она есть высшая именно потому, что она есть всеобъемлющая. И если Царство Божiе ничего не отбрасываетъ и не отсѣкаетъ въ мiрѣ, въ полнотѣ жизни (кромѣ зла), а все преображаетъ, просвѣтляетъ и спасаетъ, то какъ оно можетъ быть равнодушно къ такимъ сферамъ, какъ право, государство, хозяйство? Эти сферы жизни, творчества, организаци должны быть христiански преображены, одухотворены, пронизаны любовью. Истинное творчество во всѣхъ областяхъ только такъ и возможно («безъ Мене не можете творити ничесоже»). Всякое творчество движется въ iерархiи цѣнностей, что-нибудь совершать — значитъ «усовершенствовать», т. е. улучшать, приводить къ совершенству, а для этого надо держать направленiе на принципъ совершенства и соблюдать iерархiю цѣнностей. Всякое иное дѣйствiе есть разрушенiе, а не творчество, и его созиданiе «не устоитъ».

Христiанство устанавливаетъ правильный порядокъ цѣнностей: право и справедливость стоятъ выше, чѣмъ

цѣнность «хозяйства». Это значитъ, что хозяйственный интересъ можетъ быть принесенъ въ жертву праву и справедливости; но право и справедливость (напримѣръ, право личности) не могутъ быть принесены въ жертву хозяйственному интересу. Христіанство знаетъ цѣнность хозяйства и требуетъ отъ человѣка свободного творчества въ усовершенствованіи хозяйства, но оно знаетъ, что надъ хозяйствомъ возвышается право и справедливость; поэтому совершенное хозяйство должно быть справедливо организованнымъ хозяйствомъ, т. е. хозяйствомъ, пронизаннымъ нормами справедливаго права.

7. Соціальный вопросъ, какъ сфера свободного творчества.

Такой порядокъ творчества есть одухотвореніе плоти міра («возстаетъ тѣло духовное»), которое требуется религіей Воплощенія, Преображенія и Воскресенія.

Здѣсь лежитъ рѣшеніе соціальнаго вопроса: оно требуетъ творчества и изобрѣтенія въ сферѣ техники, хозяйства и права, и это творчество должно быть согрѣто любовью и освящено исканіемъ Царства Божія, иначе оно ничего не сотворить. Христіанство требуетъ свободного творчества отъ человѣка (какъ на это неустанно указываетъ Н. А. Бердяевъ), оно говоритъ: **ищите** и только тогда обряцете. Значитъ, надо искать болѣе справедливаго права, болѣе совершеннаго государства, болѣе хозяйственнаго и справедливаго хозяйства. «Искать» — ибо оно зависитъ отъ творческаго усилія человѣка (Царство Божіе «усиліемъ» восхищается). Поэтому напрасно будемъ искать въ Евангеліи готовую и данную христіанамъ навсегда форму хозяйства, права, государства. Въ Евангеліи не санкціонируется ни коммунизмъ, ни капитализмъ, ни частная собственность, ни республика, ни монархія; и въ этомъ смыслѣ выводить эти формы изъ Евангелія нельзя. Въ Евангеліи нельзя найти кодексъ законовъ о собственности и о договорахъ, какъ нельзя най-

ти указаній того, какъ строить автомобили, или проводить желѣзныя дороги.

Это область свободнаго творчества человѣка, гдѣ онъ предоставленъ самому себѣ и дѣйствуетъ на свой рискъ и страхъ. При этомъ онъ не имѣетъ права отказываться отъ творчества, отъ свободы, отъ инициативы, отъ изобрѣтательности. Въ цѣломъ рядѣ притчъ Христовыхъ, и прежде всего въ притчѣ о талантахъ, выражена эта истина: человѣкъ есть слуга, управитель, виноградарь, которому ввѣряются цѣнности («таланты»), имущество, виноградникъ; ввѣряются хозяиномъ, т. е. Богомъ въ полное и свободное распоряженіе. Хозяинъ какъ бы «отлучается на долгое время», предоставляетъ человѣка вполнѣ самому себѣ, и лишь затѣмъ, въ концѣ времени, оцѣниваетъ и судитъ все содѣланное. Человѣкъ, слуга, управитель — поставленъ въ необходимость «держатъ», даже рисковать всѣмъ; всякая смиренная робость въ притчѣ о талантахъ осуждается: нельзя только хранить полученное, не рискуя «отдать въ ростъ». Печально, если изобрѣтательность, хитроуміе, творческая инициатива будетъ только у тѣхъ, кто служить «князю міра сего», а у слугъ Христа останется только пассивная робость и смиреніе. Съ парадоксальной силой эта мысль выражена въ загадочной притчѣ о домоправителѣ неправедномъ: «сыны свѣта» должны быть столь-же «догадливыми», столь-же изобрѣтательными, столь-же творчески-комбинирующими, какъ банкиры и биржевики и промышленники, какъ «сыны вѣка сего». Возможна, вѣдь, широкая инициатива и творчество «во имя Христова». «Управитель вѣрный можетъ столь-же догадливо и остроумно поступать, сколь догадливо и остроумно поступаютъ на каждомъ шагу «управители невѣрные» — «ибо сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ» (Лук. 16, 8).

Право, государство, хозяйство, техника — все это такія цѣнности, такіе «таланты», такія сферы творчества

(виноградники), которые вручены человѣку въ свободное распоряженіе, здѣсь онъ всецѣло отвѣтственъ и ни на кого отвѣтственность переложить не можетъ. «Сыны вѣка сего» — политики, банкиры, промышленники, инженеры, рабочіе, — проявляютъ въ своихъ сферахъ много догадливости, изобрѣтательности и творческаго усилія, но они дѣйствуютъ во имя свое, а не «во имя Христово» и потому ихъ «творчество» такъ озабочено, такъ суетливо, такъ печально, такъ полно слезъ и горя, оно въ сущности ничего истиннаго и великаго и не творить, ибо «безъ Мене не можете творити ничесоже».

И вотъ, если творчество въ области правовой организациі, напримѣръ, въ организациі собственности, приводитъ къ несправедливости, неравенству, къ бѣдности и угнетенію; если организациа хозяйства нарушаетъ основныя права личности, нарушаетъ чувство элементарной справедливости — тогда это, и съ христіанской точки зрѣнія, — вина и грѣхъ свободного человѣчества и притомъ «соціальная» вина и соборная вина. Соціальный вопросъ есть чувство соборной вины человѣчества, чувство отвѣтственности за дефекты въ организациі права и хозяйства. Дефектъ права не есть техническій недостатокъ; дефектъ права есть несправедливость, есть господство неправого закона и, слѣдовательно несправедливость не индивидуальная, а соціально-организованная, т. е. самая опасная и тяжкая несправедливость. Соціальный грѣхъ есть самый тяжкій по своимъ послѣдствіямъ грѣхъ (слова: «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ»).

Но если Богъ предоставляетъ человѣку эту обширную сферу творчества, если онъ даруетъ ему свободу, то судъ и оцѣнку всего содѣланнаго онъ оставляетъ Себѣ. Хозяинъ когда-то приходитъ (и всегда неожиданно) и требуетъ отчета. И если человѣкъ хочетъ предвосхитить эту оцѣнку, хочетъ оцѣнивать самъ съ точки зрѣнія Хозяина (а вѣрный управитель каждый свой шагъ долженъ оцѣнивать всегда съ хозяйской точки зрѣнія),

то ему остается только прислушаться къ таинственному голосу, звучащему въ глубинѣ его сердца и вдуматься въ истины Откровенія, оставленные ему Хозяиномъ. Опцѣнивать можно лишь съ точки зрѣнія Богомъ установленной (ибо она имѣетъ Бога своею вершиною) іерархіи цѣнностей. Эту іерархію нельзя человѣку создать, здѣсь невозможна свобода, ее нельзя «изобрѣсти», ее можно только открыть — и она пріоткрывается въ Откровеніи — ее можно лишь постигать въ большей или меньшей полнотѣ, съ большей или меньшей чуткостью сердца.

8. Пути рѣшенія соціальнаго вопроса.

Цѣлый рядъ путей въ рѣшеніи соціальнаго вопроса намѣченъ и избранъ человѣчествомъ. Существуютъ пути, безусловно отрицаемые христіанской системой цѣнностей, христіанскою вѣрою. Нравственное сужденіе всегда наиболѣе очевидно въ своей отрицательной формѣ, когда оно нѣчто отвергаетъ. Что пролетарскій социализмъ и коммунизмъ долженъ быть отвергнутъ съ точки зрѣнія логики сердца, съ точки зрѣнія истинной іерархіи цѣнностей — это чувствуется всѣми, кромѣ коммунистовъ, и почти не нуждается въ доказательствахъ. Но пролетарскій социализмъ, марксизмъ, ленинизмъ, коммунизмъ вовсе не единственный путь рѣшенія соціальнаго вопроса, какъ думаютъ нѣкоторые.

Существуютъ иные пути рѣшенія, гораздо болѣе творческіе, изобрѣтательные, гораздо болѣе справедливые, моральные и допустимые съ точки зрѣнія христіанской любви.

Всѣ пути рѣшенія соціальнаго вопроса можно въ сущности свести къ двумъ путямъ, по которымъ сейчасъ идетъ соціальное движеніе:

1. Путь соціальнаго преступленія, путь революціонно-коммунистическій; онъ утверждаетъ и декретируетъ лишеніе свободы, имущества и жизни въ качествѣ необ-

ходимыхъ средствъ для достиженія своей цѣли. Это путь умаленія индивидуальной свободы и свободной индивидуальности. Направленіе всего пути опредѣляется законническимъ идеаломъ абсолютно властвующей коммуны.

2. Другой путь — есть путь социальной правды и справедливости. Онъ отрицаетъ всякое нападеніе на свободу, имущество и жизнь; утверждаетъ цѣнность субъективныхъ правъ и непрерывное расширеніе и возрастаніе индивидуальной свободы и свободной индивидуальности; но съ другой стороны онъ утверждаетъ расширеніе и возрастаніе свободы и дѣятельности союзовъ, возрастаніе «соборности», уничтожающей индивидуализмъ своекорыстія. Этотъ путь имѣетъ своей конечной цѣлью и своимъ предѣломъ идеаль свободнаго, справедливо-организованнаго хозяйства.

Тотъ, кто вступаетъ на первый путь, вполнѣ послѣдовательно признаетъ терроръ и диктатуру, послѣдовательно уничтожаетъ свободу союзовъ, свободу слова и совѣсти, и всѣ свободы вообще. Но тотъ, кто вступаетъ на этотъ путь, не имѣетъ никакого права говорить о правахъ личности, протестовать противъ эксплуатаціи, а главное, какъ это дѣлалъ Марксъ — манить соблазнительнымъ призракомъ свободнаго анархизма и отрицать государство и власть. Первый шагъ на этомъ пути — принятіе преступленія, принципиальный отказъ отъ уваженія къ праву — опредѣляетъ весь путь и его конечную цѣль. Преступленіе имѣетъ свойство нарастать, какъ лавина. Но убійство, насиліе, бунтъ — вовсе не предѣль возрастающаго зла; они проносятся, какъ вихрь, и исчезаютъ. Не стихійное зло — наибольшее зло, а организованное зло и легализованное зло. Предѣль зла есть организованная тиранія, а предѣль организованной тираніи есть коммунизмъ. Поразительно, до какой степени малое значеніе придавалось въ социальныхъ ученіяхъ этому социальному вопросу о принятіи или непринятіи преступленія, тогда какъ онъ именно кладетъ водораздѣль

между различными теченіями. Сама проблема принятія преступленія не поставлена и не осознана въ западно-европейскихъ соціальныхъ ученіяхъ. Тѣ, кому надлежало ее ставить — соціалисты, анархисты, синдикалисты, вообще революціонеры — просто утеряли понятіе преступленія, въ его вѣчномъ, абсолютномъ, мистическомъ смыслѣ: оно растворилось, исчезло въ «религіи человѣчества», въ религіи прогресса. Никто даже не замѣтилъ этого исчезновенія. Замѣтили только Достоевскій и Толстой. Русской философской мысли и русскому нравственному сознанию принадлежитъ заслуга въ постановкѣ этого вопроса. Судьба Россіи эту проблему ставить и рѣшать — въ мысляхъ и въ трагическомъ опытѣ своей исторіи.

Пролетарскій соціализмъ уже потому отвергается христіанствомъ, что онъ представляетъ собою цѣлое міровоззрѣніе, или даже религію, прямо противоположную христіанству и приѣмлющую соціальное преступленіе. Эта религія никогда не можетъ рѣшить никакихъ соціальныхъ вопросовъ прежде всего уже потому, что она построена на извращеніи іерархіи цѣнностей. Низшую и самую подчиненную цѣнность хозяйства и техники эта религія считаетъ высшей и абсолютной. Слѣдующая высшая ступень — ступень права и справедливости совершенно отвергается въ своей самостоятельности. Марксизмъ и коммунизмъ совершенно не понимаютъ и не признаютъ самостоятельной цѣнности права. Уже поэтому они никогда не могутъ рѣшить соціального вопроса, ибо соціальнѣйшій вопросъ есть, прежде всего, вопросъ о справедливой правовой организаціи. Наконецъ, самая высшая ступень: любви, соборности, духовнаго единства, Царствія Божія — объявляется уже совершенно несуществующей. А безъ признанія этой высшей цѣнности невозможно вообще никакое творчество, возможна лишь иллюзія суетливой дѣятельности, строящей зданіе, непрерывно рассыпающееся. Съ точки зрѣнія хозяйственнаго творчества и какой-либо изобрѣтательности въ смыслѣ новой органи-

заціи хозяйства, пролетарскій соціалізмъ оказался совершенно ничтожнымъ: онъ просто сдѣлалъ все государство, всю коммуну единственнымъ капиталистомъ и такимъ образомъ только безконечно увеличилъ и увѣковѣчилъ всѣ недостатки капитализма. Коммунизмъ есть монополюный и суверенный капитализмъ, въ которомъ права новыхъ хозяевъ безконечно увеличились, а права рабочихъ безконечно уменьшились и такимъ образомъ возможность эксплуатаціи значительно возросла.

Существуетъ, однако, цѣлый рядъ другихъ творческихъ попытокъ соціального движенія, идущихъ по пути права и справедливости, не принимающихъ соціального преступленія и не исповѣдующихъ атеистической религіи матеріализма. Таковы соціальныя теченія Англіи, Америки, такова нѣкоторая часть французскаго синдикализма, сохраняющаго связь съ Прудономъ, таковы, наконецъ, соціальныя попытки итальянскаго фашизма и соціальныя исканія русскаго Евразійства. Англійское и американское соціальное творчество движется, главнымъ образомъ, по пути чрезвычайно широкаго развитія рабочихъ и профессиональных союзовъ, права которыхъ расширяются и играютъ все большую роль въ жизни государства. Все, что сдѣлала англо-саксонская мысль въ области творческихъ попытокъ къ разрѣшенію соціального вопроса, будутъ ли то старанія преодолѣть несправедливость земельной ренты и крупной земельной собственности, какія мы встрѣчаемъ еще у Джона-Стюарта Милля или Генри Джорджа: будутъ ли то стремленія неолиберализма преодолѣть узкое своекорыстіе частной собственности, поставить ее на службу всего общества: наконецъ, возьмемъ ли мы исканія такъ называемаго «гильдейскаго соціализма», мечтающаго поднять вліяніе рабочихъ и профессиональных союзовъ до степени средневѣковыхъ гильдій — вездѣ мы встрѣчаемъ нѣчто единое, характерное для всего этого образа мысли: именно стремленіе разрѣшить соціальный вопросъ въ формахъ права и спра-

ведливости, не въ формахъ отрицанія права и государства, а въ формахъ созданія болѣе совершеннаго права, болѣе совершенныхъ формъ собственности; это есть путь рѣшенія соціального вопроса безъ принятія соціального преступленія. Такой путь христіанство можетъ благословлять, предоставляя, конечно, полную свободу для спеціалистовъ рѣшать, насколько этотъ путь экономически-удаченъ, юридически мыслимъ и этически свободенъ отъ обиды и умаленія личности.

Здѣсь сфера свободнаго творчества, отъ котораго человекъ не можетъ отказаться, ибо въ немъ онъ **воплощаетъ** свою вѣру («вѣра безъ дѣлъ мертва»), **воплощаетъ** свою любовь, **воплощаетъ** свое «исканіе Царства Божія». Соціальная проблема рѣшается свободнымъ творчествомъ человека въ сферѣ техники, хозяйства, права, нравственности; и это творчество не можетъ быть подлиннымъ безъ прикосновенія къ вершинамъ религіозной жизни.

Кто ставитъ и рѣшаетъ соціальную проблему «Христа ради», т. е. какъ проблему соборной любви, тотъ ставитъ и рѣшаетъ ее въ иномъ духовномъ измѣреніи. Это есть столько же проблема спасенія бѣдныхъ, сколько и проблема спасенія богатыхъ: проблема спасенія тѣхъ и другихъ отъ человекоубійственной корысти и отъ корыстнаго человекоубійства. Ибо эксплуатирующій не только убиваетъ эксплуатируемаго, но убиваетъ духовно и самого себя. Душа тирана вовсе не «блаженствуетъ», какъ на это указалъ еще Платонъ.

Христіанство хочетъ спасти человечество отъ соціального и индивидуальнаго преступленія; поэтому, съ христіанской точки зрѣнія, нужно прежде всего спасти пролетаріатъ отъ «пролетарскаго социализма», который есть социализація ненависти, социализація преступленія, социализація тираніи.

Но, съ другой стороны, съ христіанской точки зрѣнія, нужно спасти капиталистическое общество отъ капитализма, ибо капитализмъ есть капитализація преступле-

нія, т. е. **накопленіе** претсупленія, индивидуальнаго и соціальнаго; въ капитализмѣ корысть, зависть и ненависть — отдаются «въ ростъ».

Поэтому съ точки зрѣнія христіанской соціальной мысли цѣнны прежде всего тѣ исканія, которыя исходятъ изъ принципа: **ни социализмъ, ни капитализмъ**; или точнѣе — **ни капитализмъ, ни пролетарскій социализмъ** (терминъ Зомберта); **ни капитализмъ, ни коммунизмъ**. Такая формулировка объемлетъ все творческое и новое, что есть въ области соціальныхъ исканій, объемлетъ и тѣхъ, кто, утверждая цѣнность и необходимость частной собственности и вообще права, отвергая соціальное преступленіе и «пролетарскій социализмъ», — предпочитаетъ однако же, въ силу привычки, старыхъ дружескихъ связей, или партійныхъ (въ хорошемъ смыслѣ слова) соображеній, именоваться «соціалистомъ» (въ этой области наиболѣе цѣнны изслѣдованія С. І. Гессена и Г. Д. Гурвича).

Основные принципы этихъ новыхъ исканій въ сферѣ соціальнаго вопроса таковы: собственность должна быть сохранена, какъ творческая связь личности съ вещью, какъ условіе возможности свободнаго творчества и проявленія индивидуальности. Но частная собственность должна стать соціальной функціей, она должна быть поставлена на службу всему общественному цѣлому, какъ этого требуетъ идея **соборности**. Путь трансформаціи собственности есть путь правовой: право и справедливость должны преобразовать хозяйство.

Сущность этихъ принциповъ вполне соотвѣтствуетъ основнымъ идеямъ Отцовъ Церкви: они всѣ отрицательно относятся къ римско-правовой собственности, какъ къ сферѣ личнаго эгоизма и личной корысти. Собственность и хозяйство оправданы тогда, когда они служатъ **соборному единству**. Ярче всего эта мысль выражена у **Іоанна Златоуста**: «Поэтому земледѣлецъ сѣетъ не столько, сколько хватило бы для него... а работаетъ на благо мно-

гихъ;... и купецъ готовить не столько, сколько достаточно было бы для него одного, но и для многихъ другихъ... Ибо разъ люди не въ состояніи работать на благо ближняго иначе, какъ по принужденію, то Богъ поэтому такъ связалъ это и не допускаетъ придти къ собственной выгодѣ иначе, какъ пройдя по пути принесенія пользы другимъ». (Migne P. G. 61, 211).

«Получивъ больше другихъ, ты принялъ это не для того, чтобы употребить одному себѣ, а чтобы **быть хорошимъ хозяиномъ** («экономомъ») и для другихъ» (Migne P. G. 48, 988. Ср. Зейпель «Хоз.-этич. взгляды Отцовъ Церкви стр. 108-110).

9. Литература вопроса.

Детальное разсмотрѣніе всего того, что предлагается современной социальнo-философской, юридической и экономической мыслью для рѣшенія социального вопроса въ указанномъ направленіи — выходитъ, конечно, за предѣлы настоящей брошюры. Для тѣхъ, кто желалъ бы самостоятельно углубиться въ эту сферу изслѣдованія, мы рекомендуемъ слѣдующія новѣйшія работы:

1. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Парадоксы коммунизма. Журналъ «Путь», кн. 3 Парижъ, 1926 г.
2. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Два пути социального движенія. Журналъ «Путь», кн. 4, Парижъ, 1926.
3. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Собственность и социализмъ. Евразійское книгоиздательство. Парижъ, 1928 г.
4. С. Л. ФРАНКЪ. Собственность и социализмъ. Евразійскій Временникъ. Книга 5. Парижъ 1927 г.
5. С. І. ГЕССЕНЪ. Крушеніе утопізма. Современныя Записки. Кн. 19. Парижъ, 1924 г.
6. С. І. ГЕССЕНЪ. Проблемы правового социализма. Современныя Записки. Рядъ статей. Парижъ. Годъ 1924 — 1927. Кн. 22 и далѣе.
7. Г. Д. ГУРВИЧЪ. Социализмъ и собственность. Современныя Записки. Кн. 36. Парижъ. 1928 г.
8. ЗЕЙПЕЛЬ. Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ Церкви. Москва. 1913 г. Изд. «Путь».

С Е Р І Я

«Христіанство, Атеизмъ и Современность».

- 1) **Н. А. Бердяевъ.** — О достоинствѣ христіанства и недостоинствѣ христіанъ.
- 2) **Б. П. Вышеславцевъ.** — Вѣра, невѣріе и фанатизмъ.
- 3) **Л. С. Франкъ.** — Матеріализмъ, какъ міровоззрѣніе.
- 4) **В. Н. Ильинъ.** — Матеріализмъ и матерія. (Можетъ ли современный образованный человѣкъ быть матеріалистомъ?).
- 5) **Б. П. Вышеславцевъ.** — Христіанство и соціальный вопросъ.
- 6) **В. Н. Ильинъ.** — Атеизмъ и гибель культуры.
- 7) **Г. В. Флоровскій.** — Жилъ ли Христосъ? Историческія свидѣтельства о Христѣ.
- 8) **В. В. Зѣньковскій.** — О чудѣ. Возможность и реальность чудесъ.
- 9) **Н. А. Бердяевъ.** — Марксизмъ и религія.

Готовится къ печати:

- 10) **Б. П. Вышеславцевъ.** — Теософія и христіанство.

Цѣна каждаго выпуска 8 ам. центовъ, въ Польшѣ 75 грошей.

Заказы на выпуски серіи «Христіанство, Атеизмъ и Современность» принимаютъ:

YMCA PRESS, PARIS, 10, Boulevard Montparnasse 10, France,
Wydawnictwo „DOBRO“, Warszawa, Krak. Przedmieście 53

и всѣ русскіе книжные магазины.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

Груб Окон
(1986)

PL 1079

Складъ изданія:
Y. M. C. A. P R E S S
10, Boulevard Montparnasse,
PARIS XVe, FRANCE.

154
ХРИСТИАНСТВО
ТЕИЗМЪ И
СОВРЕМЕННОСТЬ

№ 5.

4162

Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ

ХРИСТИАНСТВО
И
СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

YMCA PRESS-PARIS
DOBRO-WARSZAWA